

Как можно понимать и как тогда практиковать историческую социологию

ДМИТРИЙ Ю. КАРАСЕВ

Независимый исследователь, Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-0403-9370

Рекомендация для цитирования:

Карасев Д. Ю. (2024) Как можно понимать и как тогда практиковать историческую социологию. *Социология власти*, 36 (3): 35-59 <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-35-59>

For citations:

Karasev D. Yu. (2024) How Historical Sociology Can Be Taken and How Then It Should Be Practiced. *Sociology of Power*, 36 (3): 35-59 <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-35-59>

Поступила в редакцию: 01.08.2024; прошла рецензирование:

11.09.2024; принята в печать: 18.09.2024

Received: 01.08.2024; Revised:

11.09.2024; Accepted for publication: 18.09.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author.

Эссе предлагает авторское понимание исторической социологии, а также производное от него мнение о том, как практиковать историческую социологию. Для возникновения исторической социологии на почве американской интеллектуальной традиции были необходимы: во-первых, преодоление «историософского внеисторизма» классической социологии и антиисторической установки эмпирической социологии в США. Во-вторых, возникновение в Европе под воздействием Первой мировой войны «социальной истории» и отказ социальной науки от идеи прогресса в ее эволюционной и революционной интерпретациях. Эссе подробно останавливается на особенностях «новой исторической науки» по сравнению с традиционной, сходствах и различиях социальной истории и исторической социологии. Социальная история рассматривается как промежуточное звено между классической «социологией истории» и американской исторической социологией. Вслед за социальной историей историческая социология обращается к компаративистике и количественным методам, но при этом не отказывается от герменевтики. Историческая социология предполагает взаимное ослабление номотетики классических гранд-теорий и идеографии традиционной истории. Она также подразумевает полноценное социологическое познание исторических явлений с использованием принятых в эмпирической социологии процедур, а не реинтерпретацию исторических исследований социологическим языком. В результате получают специальные процессуальные и среднеуровневые теории социального изменения, выведенные из истории. Ориентация исторической социологии на теоретические обобщения отчетливо отличает ее от социальной истории. Эссе подробно

останавливается на разных подходах и целях использования сравнительно-исторического метода и количественных методов, дополняющих его. В свою очередь, их использование ведет к проблемам с принятием их результатов традиционными историками, ориентированными на специализацию на отдельной стране и изучение первоисточников на языке оригинала. Вместо заключения автор рассказывает о своем опыте и участии в институционализации исторической социологии в России и указывает на проблемы, тормозящие ее.

Ключевые слова: историческая социология, социальная история, сравнительный метод, теория социального изменения

How Historical Sociology Can Be Taken and How Then It Should Be Practiced

Dmitry Yu. Karasev

Independent researcher, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0403-9370

The essay presents its author's understanding of historical sociology, as well as a view on how to practice historical sociology. The preconditions that have been necessary for the emergence of historical sociology from the American intellectual tradition are the following: first, to overcome the 'historiosophical ahistoricism' of classical sociology and the ahistoricism of early empirical sociology in the United States. Second, the emergence of 'social history' in Europe under the influence of the Great War and the social sciences rejecting the idea of progress in its evolutionary and revolutionary interpretations. The essay provides a detailed investigation of the features of the 'new historical science' in comparison with its traditional counterpart, as well as exploring the similarities and differences between social history and historical sociology. Social history is considered as an intermediate link between the classical 'sociology of history' and American historical sociology. Following social history, historical sociology turns to comparative studies and quantitative methods, but at the same time does not abandon hermeneutics. Historical sociology presupposes a mutual weakening of the nomothetics of classical 'grand theories' and the ideography of traditional history. It also implies a full-fledged sociological investigation of historical phenomena using procedures accepted in empirical sociology, rather than the reinterpretation of historical research in sociological-theoretical terms. This results in the emergence of special (rather than general) processual and medium-level theories of social change based on historical facts. Historical sociology focuses on theoretical generalizations, which clearly distinguishes it from social history. The essay investigates the different approaches and purposes of using the comparative historical method — and the quantitative methods that complement it. In turn, their utilization leads to problems with the acceptance of their results by traditional historians specialized in a single country and on studying primary sources in the original. Instead of concluding, the author discusses his experience and participation in the institutionalization of historical sociology in Russia and points out the problems hindering it.

Keywords: historical sociology, social history, comparative historical method, theory of social change

Социология истории

Действительность становится природой, если мы рассматриваем ее с точки зрения общего, она становится историей, если мы рассматриваем ее с точки зрения индивидуального.

Г. Риккерт

На самом деле, любое сравнительное исследование либо основывается на идеях, выдвигаемых в социальных науках теоретиками <...>, начиная от Маркса и вплоть до более современных авторов, либо выстраивается в пику им.

Т. Скочпол

В своей известной книге с говорящим названием Ч. Тилли рассказывает «Как социология встретила историю», но этот рассказ необходимо дополнить приквелом о том, как они разошлись. Это не была единственная раз и навсегда встреча: «они сошлись, волна и камень», напротив, они то сходились, то расходились, взаимоотношались. Это эссе будет приквелом о том, как, утрируя, история стала наукой о прошлом и индивидуальном, а социология — о настоящем и общем; о причинах «отступления социологии в настоящее», как называл это Н. Элиас. О том, была ли классическая социология исторической, и о том, как социальная история (далее — СИ) стала промежуточным звеном между классической и исторической социологией (далее — ИС). Наконец, о том, как, отталкиваясь от предложенного понимания, следует практиковать ИС.

По сравнению с историей, социология — молодая наука, которая отчасти стала заложницей исторического момента ее возникновения. Во-первых, она была ответом на оформление нового типа обществ — «общества модерна». Во-вторых, она возникла в момент, когда философская идея прогресса¹ переживала свой расцвет, хотя ее закат был уже не за горами (на смену ей пришла идея циклов). Модерн стал основным объектом изучения социологии. Одной из причин этого было наследство, доставшееся социологии от философии Просвещения, немецкой классической философии и философии истории. Для классической социологии «анатомия человека [всегда] — ключ к анатомии обезьяны»: предшествующие исторические состояния и социальные формы рассматривались инструментально, а главное — телеологически, как имеющие своим смыслом

¹ Подробнее о составляющих идеи прогресса и ее влиянии см. Нисбет Р. Социальные изменения и история [Nisbet 1969].

и целью «общество модерна» и/или как стадии, с необходимостью ведущие к нему. Ведь что такое «общество модерна», как не слияние некоторого конкретного типа общества (близкого к одному или нескольким эмпирически наблюдаемым национальным государствам) и «смысла истории»?

«Сторонники теории развития игнорируют исторические источники, выстраивая историю по своим схемам», — считает П. Штомпка [1996: 236]. Фактически у классиков не было в полном смысле социологической теории социального изменения, т. е. такой теории, которая объясняла бы социально-исторические изменения именно социальными факторами. (У основателей социологии теория социального изменения и теория социального/коллективного действия были совершенно разными теориями, соответственно, история рассматривалась как создаваемая надличностными, (сверх-)не-человеческими силами — идеями и верованиями, средствами производства и самими производствами, в крайнем случае великими личностями, и, наконец, войнами — последнее, надо отметить, вполне соответствует позитивистской истории конца XIX в.)

38 И хотя, к примеру, в «Восемнадцатом брюмера» К. Маркс пишет, что «люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбирали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [Маркс, 1968: 5]. Насамом деле в теории социального изменения К. Маркс людей (агентности), включая организованные группы, меньше, чем хотелось бы. И это, увы, общая черта классической социологии. На классическом этапе скорее имела место социологическая адаптация философии истории с широким использованием исторического, археологического, антропологического материала (которого на тот момент, надо отметить, было не так много, как сейчас, хотя и немало, не говоря уже о его доступности).

Разумеется, основатели социологии не подтасовывали факты и не выбирали только те из них, которые подтверждали их теории. Не следует однозначно вменять им в вину и прогрессизм (к тому же возможны возражения: «рационализация может обернуться “железной клеткой”», — предупреждал Вебер; разделение труда могло обогатиться аномией у Дюркгейма — какие же они прогрессисты?). Прогрессизм, а затем эволюционизм классической социологии был той оптикой, которая позволяла видеть и синтезировать данные — тем «клеем для фактов» (к этой метафоре еще вернемся), который имелся.

Чрезмерная близость классических теорий социального изменения и исторических исследований историософии, а не историографии не позволяет в полной мере назвать их «исторической

социологией». «Они [классики] считали изменения естественными, корнящимися внутри общества или культуры и не зависящими от миллиардов случайных событий и действий людей, записанных в истории» [Нисбет 1969: 234; цит. по: Штомпка 1996: 236]. Затем, попав в «ловушку конкретности», они рассматривали свои в большинстве дедуктивно выведенные схемы и интерпретации в качестве самой исторической реальности, более того, на их основе пытались делать предсказания. Такие предсказания в чем-то напоминают предсказания экзаменационных билетов по истории Дирка Джентли из книги Д. Адамса: «Дирк всего лишь просмотрел билеты предыдущих лет, уловил принцип, по которому они составлялись, и вывел некоторые предположения. Он не сомневался: число совпадений будет достаточно высоким, чтобы обрадовать наивных простаков, и достаточно низким, чтобы усыпить подозрения остальных. И вроде бы все так и вышло. Но самое поразительное, что произвело фурор и в конечном итоге привело к его отчислению из Кембриджа и едва не закончилось для него тюрьмой: все предсказанные им экзаменационные билеты совпали с действительными. Тютелька в тютельку. До последней запятой».

Не могу согласиться с известной цитатой Ч. Р. Миллса: «Вся социология достойна называться "исторической социологией"» [Миллс 1998: 168]. Необходимо отделять одно от другого. Иногда в качестве исключения из правила историософского внеисторизма классической социологии указывают на К. Маркса, А. Токвиля и М. Вебера. Они, по меткому замечанию Б. Н. Миронова [2004], «занимались историей не просто серьезно, а даже профессионально» и из уважения к историческим фактам не (всегда) пускались в слишком широкие обобщения. Действительно, возникшая позднее ИС была *ренессансом и синтезом* идей в первую очередь именно этих «социологов» (сами себя они едва ли считали и называли социологами; да и за пределами социологии их называют по-разному). Давайте называть классиков «социологами истории»? А для появления ИС необходим был и импульс со стороны историков, а именно СИ, которая не только была источником вдохновения, но и вторичным источником данных многих исторических социологов, например, Т. Скочпол и Ч. Тилли (хотя историки и не одобряют такой подход к сотрудничеству с социологами, когда они только поставляют данные социологам).

Что касается исторических работ основателей социологии, то часть из них считаются и/или стали образцовыми для многих поколений историков. Однако — и это важно — это те работы, которые дальше всего от их теоретических обобщений и *magnum opus*, в которых они представлены, и ближе всего к историческому материалу: у К. Маркса это не «Капитал» и не «Манифест», а «Восемнадцатое брюмера» и «Гражданская война во Франции» (у Ф. Энгельса

не, казалось бы, близкое к истории, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», а «Положение рабочего класса в Англии», ставшее почти историческим первоисточником); у М. Вебера это не «Хозяйство и общество» и не «Протестантская этика», а «История хозяйства» и «Аграрная история Древнего мира».

Социальная история в Европе, историческая социология в США

История никогда не повторяется,
но часто рифмуется.

М. Твен

В основе деления наук лежат не «фактические» связи «вещей», а «мысленные» связи проблем: там, где с помощью нового метода исследуется новая проблема и тем самым обнаруживаются истины, открывающие новые точки зрения, возникает новая «наука».

М. Вебер

40

После миграции социологии в США и институционализации ее там, европейский «историософский внеисторизм» сменился осознанной антиисторической установкой теоретической, а главное, эмпирической социологии там (тем, что Ч. Р. Миллз назвал «абстрактным эмпиризмом»). Отчасти это объяснялось спецификой периода (историзм отождествлялся с историческим материализмом), отчасти насущными социальными проблемами, остро стоявшими перед американскими социологами, отчасти прагматической и фальсификационистской установкой: не стоит заниматься феноменами, представленными малым количеством кейсов и данных, — научных, т. е. воспроизводимых, результатов не будет.

Для преодоления внеисторизмов и возникновения ИС на почве (подчеркиваю) американской, а не европейской интеллектуальной традиции, необходимо было, чтобы сначала в Европе возникла СИ и преодолела кризис историзма в исторической науке, с одной стороны, а с другой — социологическая наука избавилась от иллюзий, чтобы по меткому, хотя и суровому выражению А. Турена [Турен 1998: 6]: «в Освенциме сожгли идею прогресса ... [а] в ГУЛАГе умерли надежды на пролетарскую революцию».

Первая мировая война, влияние, оказанное ею на европейцев, их хозяйство, политику, общественное (и классовое) сознание, изменили историческую науку¹. В межвоенный период возникла

1 В описании СИ, особенностей ее генезиса полагаюсь на: Зидера [1993], Могильницкого [2003], Репину [2009].

т.н. «новая историческая наука», лейтмотивом которой стали отказ от позитивизма, позаимствованного не так давно у социологии, движение к аналитической и междисциплинарной истории, «истории снизу», «истории изнутри», понимающей, а не только описывающей (нарративной) истории. Позднее выражением этих тенденций во Франции стала школа «Анналов», последующие ее «кризис»¹ и критика ревизионистами (особенно Ф. Фюре, А. Коббенем), в Британии — исследования Группы историков коммунистической партии Великобритании.

Для традиционной истории, представленной Исторической школой Ранке, или Берлинской школой, историей Вигов (отчасти), были характерны: позитивизм, догмат о «неповторимости» исторических явлений (в силу их временной и географической детерминированности), апологетика национального государства; ее основным методом был филологический (изучение архивов на языке оригинала), основным типом изучаемых в архиве документов — материалы государственного и муниципального управления, мемуары государственных служащих и дипломатов (публикация архивов приветствовалась), основной целью исследования — «раскрыть [описать] историческое прошлое таким, какое оно было на самом деле» с критическим отношением к источнику данных, без обобщений, выделения типов, теоретических объяснений.

41

«Кризис историзма», с которым столкнулась традиционная историческая наука, заключался в ее неспособности объяснить и адекватно описать массовые процессы, которые происходили в Европе со второй половины XIX века. Выражением этого кризиса стал «спор о методе» между К. Лампрехтом и Г. фон Беловым. Суть спора сводилась к тому, должна ли история заниматься обобщениями и объяснениями, выделять типы, и если да, то как. Социологам этот спор больше известен по его отголоскам в работах Баденской школы неокантианства о номотетических и идеографических науках: чтобы быть наукой, а не искусством, история должна создавать общие понятия. Метод конструирования идеальных типов М. Вебера фактически стал ответом и на спор о методе, и на вопросы Баденской школы.

Вклад в преодоление политического редукционизма традиционной истории в Германии внесла и экономическая история (далее — ЭИ), которая, однако, внутренне расщепилась: «школа национальной экономики» стремилась выделить типичные для эпохи капитализма стадии развития производства, распределения и по-

1 Подробнее см.: «Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы “Анналов”».

требления (социологам это точно должно что-то напоминать), «хозяйственная история», сфокусированная на исследованиях средневекового города, ремесла и торговли (ср. с «Историей хозяйства» Вебера), напротив, стремилась опровергнуть эту универсальную стадильность и закономерности. (Позднее подобное же взаимодействие характерно для исторических социологов друг с другом и гранд-теориями социального изменения классиков социологии.)

С другой стороны, на традиционную политическую историю наступали «историки культуры» в Германии и «историки цивилизации» в Англии, уделяющие внимание роли идей, убеждений, литературы, права и религиозных верований в историческом изменении и стремящиеся дать снимок общественной и культурной жизни в целом (ср. с «Протестантской этикой» и «Этикой мировых религий» Вебера). Этот дуализм: примат экономических и классовых структур vs. примат культурных структур, убеждений и верований сохранился и весьма заметен и в ИС. Хотя она и стремится к парадигмальному синтезу и, соответственно, синтезу политических, экономических и культурных факторов в своих объяснениях — различие между ИС, сконцентрированной на культуре, вдохновляющейся скорее Дюркгеймом, и ИС, сконцентрированной на экономике, классах и конфликте интересов, вдохновляющейся скорее Марксом и Вебером, ощущается явно.

И хозяйственная история, и история культуры пришли к проблеме обобщений и типов. Часть новых историков в Германии испытали влияние австромарксизма, соответственно, социальное понималось ими как следствие экономического. Темы зарождающаяся СИ черпала в ранней истории культуры. Со временем было преодолено предубеждение СИ против традиционной политической истории и истории власти. Важнейшим понятием стало понятие «структура». «Таким образом, в начале 60-х годов в целом были сформулированы основные научно-теоретические позиции, с которых в 60-е и 70-е годы выступало большинство социальных историков немецкоязычного пространства: деление исторического “пополам” — на структуры, определяющие тенденции действий, с одной стороны, и политическую, культурную и социальную деятельность субъектов — с другой» [Зидер 1993: 171] (ср. с «Основными проблемами социальной теории» Э. Гидденса).

Основной предмет немецкой СИ — индустриальное или индустриализирующееся общество, французской школы «Анналов» — доиндустриальное (античное и средневековое). Не будем останавливаться на проблеме определения СИ, проистекающей из того, что СИ, как и ИС, не была унифицированной практикой в терминах предмета и метода. «Социальная история — это форма исторического исследования, в центре внимания которого находятся

исторические группы, их взаимосвязи, их роли в экономических и культурных структурах и процессах; она часто характеризуется использованием теорий общественных наук [часто марксизм] и количественных методов» [Ritter 1986: 408].

В отличие от немецкой СИ, лейтмотивом школы «Анналов» стала замена классической нарративной истории «историей-проблемой». В центре их исследований общество прошлого в целом или более крупные тотальности, типа миров-экономик Ф. Броделя. При этом французская СИ пыталась вскрыть глубинные структуры, устойчивые на больших отрезках времени (*longue durée*). Эта задача потребовала привлечения новых типов исторических источников. По известному выражению М. Блока, «для того, чтобы что-то реально узнать о прошлом, нам прежде всего надо стремиться понять, что было в головах людей». «Анналы» впервые увидели в истории не только социально-историческую схему, макроструктуры, но и живого человека, а также попытались объяснить исторические явления на основе «понимания» мотивов его поступков (ср. с «понимающей социологией» М. Вебера).

Особой популярностью во французской СИ пользовался марксистский подход к изучению политических конфликтов, поскольку он внимательнее других подходил к изучению «маленьких людей», истории (судьбы) которых представляют собой что-то вроде коллективной истории. Как верно отметил П. Загорин, в отличие от исторической социологии, направленной на теоретическое осмысление, «компаративная история [социальная история] просто предполагает, что между событиями, процессами и структурами, которые она отбирает для исследования, имеются некоторые соответствия, или некоторые общие и сходные черты, выяснение которых будет способствовать пониманию изучаемого явления» [Zagorin 1982: 57; цит. по: Репина 2009: 159].

Резюмируем сходства и различия СИ и ИС. Это очень полезно для понимания специфики последней.

Сходства:

- Пересекающиеся период и коннотации возникновения дисциплин.
- Частично совпадающий «золотой век» — 60–80-е гг.
- Схожий предмет: (Раннее) Новое и Новейшее время (как правило, в Европе).
- Схожий метод: обращение к сравнению кейсов и «большим» структурам.
- Схожие проблемы: например, микро/макро, структура/агентность, воспроизводство/изменение.
- Частично пересекающиеся списки ведущих представителей (напр., Б. Мур, Ч. Тилли).

- Влияние веберианской и марксистской традиции и, как следствие, схожий понятийно-категориальный аппарат.
- Различия:

Историческая социология	Социальная история
Ориентирована на обобщения, теорию	Ориентирована на понимающую реконструкцию общества прошлого в целом или групп в нем
Использует в основном вторичные данные (в т.ч. социальной истории)	Использует в основном первичные данные
Продукт американской интеллектуальной традиции	Продукт европейской интеллектуальной традиции
Импульс к сближению дисциплин исходил от социологов, историки сопротивлялись	Импульс к сближению дисциплин исходил от историков, социологи сотрудничали
Сконцентрирована на Новом и Новейшем времени по причине наличия релевантных теорий классиков социологии	Сконцентрирована на Новом и Новейшем времени по причине доступности данных
Синтезирует парадигмы (веберианство + марксизм + ...)	Работает в одной парадигме (как правило, марксизм)
Быстрее реабилитировала политическую историю (в США проблема заключалась не в реабилитации первой, а в освоении и принятии социальной истории)	Быстрее преодолела структурализм благодаря антропологическому повороту 1970-х гг.

Теперь снова обратимся к движению к ИС со стороны американской социологии, получившему название «исторического поворота в социологии» (о нем более кратко, т.к. недостатка литературы о нем и сведений у социологов нет). Полностью согласен с С. А. Арджомандом в том, что его основу заложил «веберовский ренессанс» и «антипарсонсианская интерпретация Вебера»¹, предложенная в «Интеллектуальном портрете» Р. Бендикса и развитая Ч. Р. Милсом и Х. Гертмом: «Исторический поворот был не чем иным, как усвое-

1 Подробнее см.: Александер Дж. Неофункционализм и после него.

нием Макса Вебера» [Arjomand 2004: 336] (оставляю за скобками миграцию в США учеников А. Вебера и обучение ими будущих исторических социологов и защитников «многомерного веберизма»). «Портрет» — антипарсонсианский выпад против функционалистской и эволюционистской гранд-теории, выстроенной Т. Парсонсом из его прочтения Вебера, чрезмерно сфокусированного на «Протестантской этике» и «Этике мировых религий» в пользу «Хозяйства и общества»; сдвиг акцента от роли идей, верований и интересов к власти, политике и конфликту. В качестве еще одной причины Т. Скочпол справедливо указывает на отказ от линейно-эволюционного прочтения марксизма в США к 1960-м гг.: на первый план вышли среднеуровневые марксистские идеи о классовом сознании, борьбе и союзах, историческом процессе и роли культурных и политических структур (оставляю за скобками освоение и перевод работ европейских социальных историков).

С 1960-х гг. начинается время равноправного дисциплинарного сотрудничества истории и социологии. Примечательна широкая дискуссия о возможностях и ограничениях междисциплинарного синтеза на страницах британского журнала *Past and Present*, начавшаяся в конце 60-х и продолжавшаяся десятилетие. Поводом послужил сборник Р. Хофстедера и С. М. Липсета «Социология и история: методы», в котором отмечены взаимные выгоды такого сотрудничества: историки берут у социологов концептуальный аппарат и методы, а взамен помогают социологам включить историческое время в их теории (сделать их процессуальными, вместо теорий причин, последствий и «черного ящика» посередине).

Позиция Ф. Абрамса из указанной дискуссии о том, что социология и история вообще не являются двумя отдельными науками, стала своего рода манифестом ИС. (Как легко констатировать постфактум — это не первая такого рода чересчур оптимистичная позиция о междисциплинарном сотрудничестве, производная от известного противопоставления Вебером «фактических» связей «вещей» и «мысленной» связи «проблем».) Э. Хобсбаум в знаменитой статье «От социальной истории к истории общества» был более скептичен, предостерегая, чтобы дисциплины не взяли худшее друг у друга. Например, чтобы СИ не превратилась в проекцию социологии, страдавшей внеисторизмом, а ИС не увлеклась неповторимым и не разучилась «видеть лес за деревьями». Или как формулирует это М. Манн: «Слишком пристальное внимание исследователя к [историческим] фактам делает его слепым; чрезмерное вслушивание в ритмы теории и мировой истории — глухим» [Манн 2018: 26]. Так как же вести «диалог глухого со слепым» (как нередко описывают взаимодействие социологов и историков) в рамках головы одного исследователя — исторического социолога? Как делать историческую социологию?

Как практиковать

Отношения между социологией и историей чаще характеризуются равнодушием, либо нарочитой отчужденностью. Многие историки не верят в объяснительную силу социологических теорий и осуждают социологов за поверхностное отношение к историческим фактам. Социологи иронизируют над историками по поводу антикварного интереса к историческим деталям, эмпиризма и поверхностного анализа.

Б. Н. Миронов

Без сравнения нет понимания.

М. Блок

Начну со строгой, но веской (стимулирующей «держать удар» и «марку») позиции известного социального и экономического историка Б. Н. Миронова [1984, 2004] об удовлетворительной и неудовлетворительной ИС:

- есть реинтерпретация исторического материала социологическим языком, возникающая из прочтения исторических исследований, как правило, теоретическими социологами, без глубокого погружения в предмет (это, как правило, неудовлетворительная ИС, которая не найдет отклика ни у социальных, ни у политических историков; хотя бывают и исключения, поскольку взглянуть на старые проблемы под новым углом иногда бывает чрезвычайно полезно);
- есть полноценное социологическое познание исторических явлений, которое начинается с традиционных для эмпирической социологии постановки проблемы, отбора теорий, концептуализации, операционализации, отбора кейсов и/или единиц исследования, сбора и обработки данных — одним словом, использование социологического инструментария при сборе эмпирического материала (такая ИС найдет одобрительный отклик и поддержку как минимум у социальных и экономических историков).

Б. Н. по понятным причинам подчеркивает заслуги тех редких исторических социологов (а именно Б. Мура и Ч. Тилли), которые умели работать и работали с первоисточниками наравне с историками, т. е., по сути, были и социальными историками. (Целесообразность работы с первоисточниками в ущерб обобщению важнейших вторичных источников оспаривает не только Т. Скочпол, но и М. Манн: зачем пить море, чтобы написать чашку, если можно пить более плотную жидкость?) Б. Н. также отмечает опасность презентизма, которую несет с собой концептуализация и операционализация исторических данных в рамках историко-социологического исследования. Однако всем знакомым с «герменевти-

ческим поворотом в истории» 1970-х гг. (Б. Н. с ним без сомнения знаком, см., напр.: Глава IV в [Миронов 1984]) понятно, что ненагруженных понятий вообще не бывает (что верно и для исследуемых, и для исследователей), к тому же любой исследователь (неважно, историк или социолог) до исследования благодаря житейскому опыту имеет некое собственное представление о том, как работают вещи в мире, некую онтологию социального или исторического, и лучше бы эти представления эксплицитно выражать, как это делает социальная теория, но чего предпочитали не делать историки. Личность историка и выработанная им и как социальным актором и как профессиональным ученым онтология социального и исторического — необходимый «клей для исторических фактов», ни в чем не уступающий историософскому, без которого все распадается. В контексте встреч и расставаний социологии и истории примечательно, что социология испытала герменевтический поворот и раньше («Спор о позитивизме», 1960-е гг.), и позже (М. Фуко, П. Бурдьё, этнометодология Г. Гарфинкеля, интерпретативная антропология К. Гирца и культурсоциология Дж. Александера 1990-е гг.) исторической науки.

Итак, мой первый тезис в том, что ИС ориентирована на исторически обоснованное построение специальных процессуальных и среднеуровневых теорий социального изменения путем уточнения историческими данными (включая их фальсификацию, строительство «защитного пояса» и синтеза) классических гранд-теорий социальных изменений и современных высоких социологических теорий. Этот процесс происходит путем полноценного социологического познания исторических явлений, а не реинтерпретации исторических исследований. ИС на правах наследницы СИ с неизбежностью обращается к количественным методам, но при этом не отказывается от герменевтики и вниманию к роли языка в оформлении опыта и практик исторических действующих лиц. ИС для меня синоним сравнительно-исторической социологии. В этом не могу согласиться с М. Манном, который считает, что социология «должна быть исторической, но не всегда может быть сравнительной», и, напротив, согласен с М. Блоком, для которого «без сравнения нет понимания». И если уж межкейсовое сравнение невозможно по причине взаимозависимости или уникальности кейсов (что подчеркивает Манн и что по душе историкам), то необходимо хотя бы внутрикейсовое сравнение (один и тот же исторический феномен, институт, но на разных его этапах, с демонстрацией преемственного и нового). Сравнение и количественные методы дают неочевидные идеальные типы, а также, подобно нити Ариадны, защищают от бесконечного блуждания в лабиринте исторических смыслов и герменевтических кругов.

Мой второй тезис — о целенаправленном взаимном ослаблении номотетики и идеографии в рамках ИС. По сути, ИС ослабляет номотетику классических гранд-теорий и современных высоких социологических теорий историческими фактами и герменевтикой, а идеографию истории — общими социологическими понятиями (типами), теориями, сравнением и количественными методами. Хотя ослаблено и то, и другое — получается ценный результат: что-то вроде социологической теории социального изменения среднего уровня, по-настоящему нормированной историческими фактами (и теми, которые подходят хорошо, и теми, которые не очень, с объяснением, почему так). Это уже не общие, а специальные теории: они не объясняют всего и вся, их действие весьма ограничено. Зато они действительно работают: предлагают нетривиальное объяснение и понимание исторических явлений, иногда предлагают ретропрогноз, выявляют релевантность и значимость факторов и макропричины для изучаемого исторического явления и/или кейсов.

48

Компаративистика и количественные методы важны для ослабления идеографии. Историки редко в открытую практикуют сравнения¹, поскольку в традиционной истории принята специализация по отдельным периодам и странам. В основе этой специализации лежит чтение первоисточников на языке оригинала. Специализация порождает гильдии экспертного знания, непрофессионалов такие гильдии отторгали. Компаративистика ошибочно отождествляется с непрофессионализмом. Рассуждали так: чем больше сравниваемых кейсов, тем больше приходится полагаться на вторичные источники². Более того, сравнение требует гомогенности и независимости единиц сравнения — они вызывали и вызывают сомнения у историков-профессионалов. В рамках всемирной истории все связано (независимость под вопросом), при этом социально-исторические формы обусловлены географией и временем, а значит, гомогенными быть не могут (или сравнивающий недостаточно владеет деталями и поэтому не видит различий, т. е. непрофессионал).

С другой стороны, «абстрактный эмпиризм» в США способствовал номотетике, но препятствовал идеографии. Об этом много рассуждает Т. Скочпол [2017: 78]: «В современных американских общественных науках <...> исследователи полагают, что действительно научным образом возможно изучать только те феномены,

1 В качестве контрпримера см.: [Блок М. (2001) К сравнительной истории европейских обществ].

2 Подробнее см.: [Комм М. (2014) Сравнение в истории и исторической социологии: общность метода и различие дисциплинарных подходов].

которые представлены достаточно большим количеством примеров». Как научным образом исследовать (и исследовать ли вообще) исторические явления, представленные недостаточным количеством кейсов, например революции? Ответ Скочпол заключался в использовании сравнительно-исторического метода на основе индуктивной логики Милля: «Сравнительно-исторический анализ на самом деле выступает методом многомерного анализа, к которому прибегают тогда, когда имеется слишком много переменных, а случаев[кейсов] недостает» [Скочпол 2017: 85]. Для сравнения, Ч. Тилли предложил другой ответ: изучать их количественно в качестве подвида более общего и широко представленного явления и понятия соответственно. Развитием сравнительного метода на основе индуктивной логики стало использование «качественно-количественного сравнительного анализа» (QCA): составление для кейсов таблиц всевозможных комбинаций независимых и зависимой переменной (а также их веса) и выявление на основе булевой логики необходимых и достаточных причин [Ragin 1987]. Затем кластеризация кейсов по указанным таблицам комбинаций и степени присутствия признаков. Развитием логики Тилли, и не только его, является «клиометрика».

49

Для перехода к количественному анализу для исторических кейсов зачастую не хватает данных. Об этом известный спор М. Манна [Mann 1994] и Дж. Голдторпа [Goldthorpe 1991]: последний утверждал, что современную социологию от исторической отличает как минимум наличие искомых данных по теме исследования, Манн возражал, акцентируя, что данных все равно не хватает обеим. (В этом полностью согласен с Манном, не все необходимые данные даже для современных стран можно получить.) Есть несколько вариантов, как включать количественные номотетические методы в ИС. Они как нельзя лучше описаны в книге М. Ланга [Lang 2012] «Сравнительно-исторические методы»: они должны быть либо во внутри-кейсовом анализе в качестве «первичных» или «вторичных внутри-кейсовых методов», либо среди методов межкейсового сравнения (если сопоставимые ряды данных присутствуют, что редкость для исторических кейсов)¹. Т.е. ИС не заменяет (и не может заменить из-за ограниченности данных) сравнительно-исторический метод статистическим, а дополняет первый вторым, как она дополняет методы идеографические номотетическими. На мой взгляд, в этом залог того, чтобы на выходе получалась искомая удовлетворительная ИС.

1 Особого внимания в контексте методологии ИС заслуживают статьи Л. Гриффина и Дж. Махоуни.

Существует несколько разновидностей ИС или способов ее производства, целей проведения историко-социологических исследований, которые так или иначе отражаются на результате, но только один зонтичный термин «историческая социология». Большинство исторических социологов фиксируют эти разновидности ИС тем или иным образом.

По мнению Т. Скочпол и М. Соммерс [Skocpol, Somers 1980], использование сравнительного метода является необходимым, но недостаточным критерием ИС. Они против попытки У. Сьюэлла и Н. Смелзера свести различные типы сравнительной истории к единой методологической логике тестирования гипотезы. Они выделяют три различных логики тестирования гипотез с помощью сравнительной истории или макропричинного анализа: 1) «*параллельная демонстрация теории*», валидность той или иной теории только подтверждается на исторических примерах (например, «Политическая система империй» Ш. Эйзенштадта); 2) «*сопоставление кейсов с целью демонстрации контрастов*», направлено на выявление исторических ограничений применимости слишком общих теорий для похожих на первый взгляд, но на поверку различающихся исторических кейсов (например, «Завоевание и коммерция» Дж. Ланга, «Застраившая на месте» В. Чиббера); 3) «*макроанализ причин*», ориентирован на причинно-следственные выводы с использованием и метода единственного сходства, и метода единственного различия в качестве маркера причины (например, «Социальные истоки» Б. Мура, «Государства и социальные революции» Т. Скочпол). Как правило, каждое историко-социологическое исследование придерживается той или иной логики, некоторые смешивают их (например, «Источники» М. Манна).

50

В первом случае во всех примерах исторического феномена видится то общее, что объясняет теория; во втором — сравнение выявляет различия, которые теория не объясняет или не может объяснить; в третьем — и сходства, подтверждающие теорию, и различия, ограничивающие ее действие, непротиворечивым образом (в виде положительных и отрицательных кейсов) объединяются, предписывая дополнить существующую теорию другой или предложить новую специальную теорию.

В статье «Историческая социология» Тилли [2009: 56] определяет ИС как «начинание особого рода, стремящееся объединить данные, полученные путем прямого наблюдения настоящего и косвенного наблюдения прошлого» и выделяет 4 направления ИС:

— «*Исторический критицизм*» (изучение исторического генезиса современных проблем, выделение мегатрендов и исторических альтернатив — социальная критика, подкрепленная данными из истории; Г. Тербон, Т. Скочпол);

— «*Выделение паттернов*» (поиск повторяющихся структур, последовательностей, а также необходимых и достаточных условий их появления в разные эпохи и разных обществах вопреки всем прочим различиям; Р. Бендикс, М. Манн);

— «*Расширение масштаба*» (использование количественных методов, разработанных для современных обществ на исторических данных, и наоборот — использование исторических данных для критики современных социологических представлений; Дж. Голдстоун, К. Чейз-Данн);

— «*Анализ процессов*» (прослеживание того, как процессы разворачиваются во времени и пространстве, в этом случае выявляются инварианты одного процесса, а не общий паттерн; С. Роккан, Ч. Тилли).

В книге «Большие структуры, длительные процессы, широкие сравнения» [Tilly 1983] Тилли дает более тонкую классификацию сравнительно-исторических исследований, располагая их в системе координатах из двух осей: ось множественности форм и ось общности принципа. Сравнение множественно в той степени, в которой оно показывает разновидности форм одного феномена или категории, иллюстрируя их историческими кейсами. Сравнение является общим в той степени, в которой показывает, что все исторические кейсы одного феномена или категории подтверждают один и тот же теоретический принцип. Положение сравнительно-исторического исследования в этой системе координат зависит не от масштаба или количества изучаемых им феноменов, их внутренней сложности или простоты, а от *отношений между наблюдениями (историческими фактами) и теорией*.

В итоге выделяются 4 типа сравнительно-исторических исследований в зависимости от положения, которое они занимают в описанной системе координат: сравнение, выявляющее индивидуальное; упорядочивающее сравнение; сравнение, выявляющее универсальное, и сравнение, выявляющее вариации (рис. 1).

«Сравнение, выявляющее индивидуальное» противопоставляет различные исторические кейсы изучаемого феномена с целью демонстрации специфических свойств и механизмов каждого кейса. (Например, Дж. Ланг в «Завоевании и коммерции» противопоставляет стратегии и институты колонизации Америки англичанами и испанцами — их специфика обусловила последующие различия в развитии Южной и Северной Америки. Р. Бендикс противопоставляет изменения в британской и немецкой политической жизни с целью прояснить, как британские рабочие достигли почти полного включения в политическую систему, а немецкие остались исключенными.)

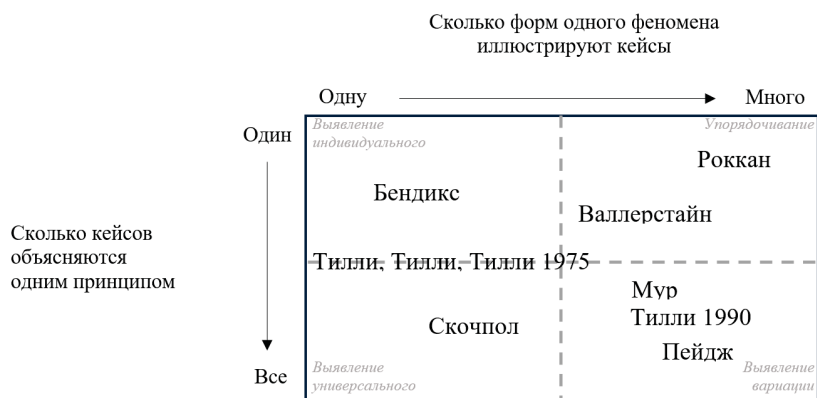

Рис. 1. Типы сравнительно-исторических исследований
Fig. 1. Types of comparative historical research

52

«Охватывающее сравнение» располагает различные историко-географические кейсы как точки в единой системе координат, их свойства и механизмы объясняются их различными отношениями к системе в целом. (И. Валлерстайн расположил регионы мира в центре, периферии или полупериферии мировой системы, объясняя их свойства из отношений к этой системе международного разделения труда и торговли. С. Роккан расположил политические системы Европы XVI-XVIII вв. в многомерной таблице, объясняющей их вариативность рядом сочетания внутренних и внешних факторов.)

«Сравнение, выявляющее универсальное» демонстрирует, что каждый исторический кейс, действительно относящийся к изучаемому феномену или категории, следует одному и тому же теоретическому правилу. (Т. Скочпол выявила необходимые и достаточные причины социальных революций: необходимые причины те же, что и у политических переворотов и восстаний, однако последним недостает некоторых достаточных причин революций.)

«Сравнение, выявляющее вариации» — установление принципиальных (значимых для теории) различий в характере или интенсивности присутствия изучаемого феномена путем анализа различий исторических кейсов. (Б. Мур показал, как состав классовой коалиции и результат классового конфликта и революции определяли установление той или иной формы модерна. Дж. Пейдж объяснил различия между видами политического действия различными комбинациями источников дохода крестьян и землевладельцев.)

По мнению Ч. Тилли, для целей ИС лучше подходят упорядочивающее и выявляющее вариации сравнения: рассортировать все кейсы по отношению к какому-то структурирующему всемирно-

историческому процессу (объясняя этим различия между кейсами) или выявить принципиальную ковариацию, связывающую два или более свойства каждого кейса. Различия в подходах Т. Скочпол и Ч. Тилли к тому, как практиковать ИС, и в том, что касается количественных методов, и в том, что касается исторических сравнений, — налицо.

Что мешает институционализации исторической социологии в России

В статье 2006 года Н. В. Романовский [2006] фиксирует начало институционализации ИС в российской социологии в форме: а) чтения спецкурсов в ряде университетов и издания учебного пособия по ИС; б) перевода заметного количества книг по ИС на русский; в) участия отечественных социологов Т. И. Заславской, А. Я. Гуревича, В. П. Данилова в редколлегии *Journal of Historical Sociology*; г) постоянной рубрики в журнале «Социологические исследования», редактируемой Н. В. Романовским, для поддержания профессиональной дискуссии; д) серии круглых столов, дискуссий и секций междисциплинарных конференций с участием российских исторических социологов; е) защите диссертаций по ИС или близким к ней темам.

53

Вопреки прочим описаниям, фиксирующим проблемы взаимодействия социологов и историков, для отечественного кейса Н. В. дает следующее описание: «Социологи и историки в России идут навстречу друг другу осознанно: это требование современного профессионализма в науках об обществе».

Сейчас, в 2020-е гг., приведенное описание междисциплинарного сотрудничества, как и у Ф. Абрамса, выглядит, на мой взгляд, чересчур оптимистичным и преувеличивающим желание сотрудничать. Попытаюсь описать свой опыт и, избегая ошибки индукции (его явно недостаточно для выводов), указать на то, что, на мой взгляд, затормозило институционализацию ИС в России. Итак, используя критерии Н. В. Романовского, автор эссе принял участие в следующих формах институционализации ИС в России:

а) читал спецкурс по ИС у экономических историков в РАНХиГС и затем близкий, но предметно отличающийся курс по исторической социологии власти на государственном и муниципальном управлении в том же вузе (курсы были свернуты из-за их непопулярности у студентов);

б) переводил с английского и был научным редактором переводов книг таких исторических социологов, как Т. Скочпол, Ч. Тилли, М. Манн, Й. Арнасон (насколько мне известно, тираж не возобновлялся, но книги доступны в электронном формате);

в) лишь однажды публиковался в тематической рубрике «СоцИ-са», зато написал заметное количество научно-популярных обзоров на историко-социологические книги, например, в сетевом издании «Горький» (статистика о количестве просмотров недоступна);

д) представлял результаты исследований на профильных междисциплинарных конференциях («Стены и Мосты» в РГГУ; «Дни исторической компаративистики» в Европейском университете; секции Центра цивилизационного анализа и глобальной истории на конференциях Социологического института РАН);

е) львиная доля моей кандидатской диссертации о современной социологии революции по понятной причине отведена историческим социологам (текст диссертации в открытом доступе).

Моя «хабилитация» как исторического социолога прошла в среде экономических историков в РАНХиГС (раньше кафедра истории экономики, а теперь кафедра социальной и экономической истории России). Считаю это удачным, поскольку многому пришлось учиться. Это также заставило задуматься о том, почему синтез экономики и истории на российской интеллектуальной почве и не только принес больше плодов, чем синтез социологии и истории. Один из ответов, по всей очевидности, в том, что экономика предложила историкам такую номотетику (эконометрику), которая требовалась и была по душе историкам. Нужна была такая прикладная математика, которая даже на небольших и неполных данных могла что-то дать, а также увеличить количество данных с помощью ряда допущений. (Социалистический период истории России и марксистская политэкономика на самом деле слабо повлияли на успех ЭИ по сравнению с ИС. Есть немало статей о том, почему экономисты влиятельнее и их рейтинги цитирования выше, см., напр.: [Фуркад, Ольон, Альган 2015].)

Экономика практически не предлагала историкам гранд-теорий, требуемые для эконометрики концептуализации и операционализации практически не вызывали отторжения историков, поскольку в основном это были статистические понятия, претерпевшие мало изменений со времен возникновения статистики (т. е. изучаемые данные, описываемые ими процессы, статистические методы их изучения, изучаемые проблемы — все датировалось одним периодом — Новое время). Социологи, к большому сожалению, не так хорошо владели и владеют прикладными математическими методами, как экономисты, и предлагали свою номотетику только в комплекте с собственными идеографией и герменевтикой. Однако у историков предостаточно собственной идеографии — это не то поле, на которое они готовы пустить конкурентов ради номотетических выгод.

С изменением политического климата и установок к зарубежной науке в России изменилась (если не сказать сошла на нет) ско-

рость институционализации и степень принятия ИС в отечественных академических кругах. Академической истории (и не только ей) навязали характерную для традиционной истории в прошлом роль апологета национального государства. С повышением роли истории как инструмента легитимации политики и принятых политических решений и без того надежные междисциплинарные границы стали еще прочнее. Часть исторического знания была сакрализована политиками. Сакрализация с неизбежностью требует разделения «священного» и «профанного»: исторические социологи компаративисты стали отторгаться как непрофессионалы.

Помимо почти непреодолимых междисциплинарных границ (так и быть, оставим защиту доменных областей и «теплых мест» в покое, хотя они уже и набили оскомину), налицо и другие институциональные преграды. У российских исторических социологов отсутствует собственный комитет в ассоциации российских социологов (в ASA таких по ряду причин было целых два: секция сравнительной и исторической социологии (в ASA с 1983 г.) во главе с Т. Скочпол и секция политической экономики мир-систем И. Валлерстайна), регулярный семинар, а также профильный журнал. Рубрика в «СоцИсе» это очень мощно и престижно, но, пожалуй, слишком эксклюзивно, хотя, с другой стороны, историко-социологические исследования, выходящие за рамки реинтерпретации исторических исследований (см. выше), гораздо более редки по сравнению с опросными исследованиями. (Наполняемость профильного журнала по ИС была бы под вопросом.) Часто желающим практиковать ИС не хватает навыков количественного анализа (на уровне экономистов), а также навыков работы с источниками (на уровне историков). (Для себя я эту проблему решал дополнительным образованием и обучением у коллег на рабочем месте.) Ограничен и приток желающих учиться ИС и практиковать ее.

Мой опыт преподавания ИС у магистров историков, специализирующихся на экономической истории, подсказывает, что для них это не слишком желанное и полезное знание («слишком много теории», «слишком много читать»). Возможно, на тот момент был слишком молод и не состоялся как преподаватель, а может, практика оценки преподавателя студентами перевернула дисциплину в университете с ног на голову. Возможно, формат обучения должен носить характер мастерской (как это часто делают в ВШЭ), когда студенты обучаются на практике, участвуя в историко-социологическом исследовании, которое проводит наставник, который в таком случае также может поучиться у своих студентов. Преподавание ИС у социологов более перспективно, однако осложнено сла-

бым владением историческим материалом — такое преподавание вынуждено будет носить обзорный и упрощенный характер (необходимы многочисленные и неторопливые экскурсы в экономическую и социальную историю, чем исторические социологи часто занимаются в своих книгах). (Да и разве может такая специализация конкурировать у студентов-социологов с более прикладными маркетинговыми исследованиями, например?) ИС — вещь, увы, весьма нишевая и даже элитарная, как в плане производителя, так и в плане заказчика — с этим согласны и отечественные, и зарубежные исторические социологи. Редкий «заказ» = отсутствие финансирования, дальше следует выражение, которое постоянно повторяла Н. В. Зубаревич: «Сколько денег — столько песен». (Проблемы науки как призвания и профессии хорошо описаны уже у М. Вебера.)

56

Профессиональная биография исторического социолога незавидна — и диссертацию защитить непросто из-за дисциплинарных границ (к примеру, возьмите на себя труд разобраться с тем, с какими преградами двигалась защита диссертации Т. Скочпол, впоследствии ставшей выдающейся книгой «Государства и социальные революции»¹; надо отметить, что защита осложнялась еще и тем, что Т. Скочпол была одной из первых докторов-женщин в Гарварде). И отправиться работать можно в итоге к политологам, а не социологам (опять же, пример Т. Скочпол), или к историкам (И. С. Кон), или к международникам (если только в их профессиональном домене и журналах допустимо публиковать межстрановые сравнения). При этом научное влияние работ зарубежных исторических социологов, а также научные школы, воспитанные ими, сопоставимы с работами и школами основателей социологии.

У меня строгие критерии того, как делается ИС (важен метод, а не предмет), и, как следствие, очень инклюзивные критерии того, кто является историческим социологом — тот, кто практикует ИС. Пока не представил собственного заметного историко-социологического исследования, считать себя историческим социологом не могу (теоретическим, пожалуйста). Сделать это с учетом междисциплинарных границ, защиты доменных областей и вертикально интегрированной академической науки — непросто.

1 О неправильных и часто упрощающих интерпретациях см. обзор Дж. Гудвина «Как стать ведущим американским социальным ученым: пример Теды Скочпол».

Библиография / References

Блок М. (2001) К сравнительной истории европейских обществ. *Одиссей. Человек в истории* (13): 65-93.

— Blok M. (2001) A Contribution Towards a Comparative History of European Societies. *Odysseus. Man in History* (13): 65-93. — In Russ.

Зидер Р. (1993) Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального». *Thesis* (1), 163-181.

— Zider R. (1993) What is social history? Gaps and continuity in the development of the “social”. *Thesis* (1), 163-181. — In Russ.

Кром М. М. (2014) Сравнение в истории и исторической социологии: общность метода и различие дисциплинарных подходов. «Стены и мосты» — II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы международной научной конференции. М.: Академический Проект. EDN: YWVPNL

— Krom M. M. (2014) Comparison in History and Historical Sociology: the Commonality of the Method and the Difference in Disciplinary Approaches. “Walls and Bridges” — II: interdisciplinary and multidisciplinary research in history: proceedings of an international scientific conference. M.: Academic Project. — In Russ.

Манн М. (2018) *Источники социальной власти: в 4 т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н.э.* М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

— Mann M. (2018) *The Sources of Social Power. Vol. 1. A history of power from the beginning to ad 1760.* М.: Publishing house “Delo” RANEPa. — In Russ.

Маркс К. (1968) Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Маркс К., Энгельс Ф. *Избр. соч. в 9-и т., Т. 4.* М.: Политиздат, 1968.

— Marx K. (1968) The eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. Marx K., Engels F. *Selected Op. in 9th volume, vol. 4.* М.: Politizdat, 1968. — In Russ.

Миллс Ч. Р. (1998) *Социологическое воображение.* М.: Стратегия.

— Mills C. R. (1998) *Sociological imagination.* М.: Strategy. — In Russ.

Миронов Б. Н. (1984) *Историк и социология.* Л.: Наука. EDN: VIKOZL

— Mironov B. N. (1984) *Historian and Sociology.* L.: Nauka. — In Russ.

Миронов Б. Н. (2004) Социология и историческая социология: взгляд историка. *Социологические исследования* (10): 55-62. EDN: OWMZHH

— Mironov B. N. (2004) Sociology and historical Sociology: a historian's view. *Sociological Research* (10): 55-62. — In Russ.

Могильницкий Б. Г. (2003) *История исторической мысли XX века; Курс лекций. Вып. II: Становление «новой исторической науки».* Томск: Изд-во Том. ун-та. EDN: QOTPDH

— Mogilnitsky B. G. (2003) *The history of historical thought of the XX century; A course of lectures. Issue II: The formation of a “new historical science”.* Tomsk: Tomsk University's Publishing house. — In Russ.

Репина Л. П. (2009) «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Издательство ЛКИ, 2009. EDN: QPMWUT

— Repina L. P. (2009) *"New Historical Science" and Social History*. М.: LKI Publishing House, 2009. — In Russ.

Романовский Н. В. (2006) К итогам «круглого стола» по исторической социологии. *Социологические исследования* (7): 123-132. EDN: OPCITV

— Romanovsky N. V. (2006) Towards the results of the "round table" on historical sociology. *Sociological Research* (7): 123-132. — In Russ.

Скочпол Т. (2017) *Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

— Skochpol T. (2017) *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. М.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2017. — In Russ.

Тилли Ч. (2009) Историческая социология. *Социологические исследования* (5): 95-110. EDN: KBDDQB

— Tilly C. (2009) Historical Sociology. *Sociological Research* (5): 95-110. — In Russ.

Турен А. (1998) *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. М.: Научный мир, 1998.

— Touraine A. (1998) *Return of the Actor: Social Theory in Postindustrial Society*. М.: Scientific World, 1998. — In Russ.

58 Фуркад М., Ольон Э., Альган Я. (2015) Превосходство экономистов. *Вопросы экономики* (7): 45-72. EDN: TZFVWH

— Fourcade M., Olkhon E., Algan Ya. (2015) The superiority of economists. *Economic Issues* (7): 45-72. — In Russ.

Штомпка П. (1996) *Социология социальных изменений*. М.: Аспект Пресс, 1996.

— Shtompka P. (1996) *Sociology of social change*. М.: Aspect Press, 1996. — In Russ.

Arjomand S. A. (2004) Theory and the Changing World. Mass Democracy, Development, Modernization and Globalization. *International Sociology* (3): 299-353. <https://doi.org/10.1177/0268580904045344>

Goldthorpe J. H. (1991). The Uses of History in Sociology: Reflections on Some Recent Tendencies. *The British Journal of Sociology*, (42): 211-230. <https://doi.org/10.2307/590368>

Lang M. (2012) *Comparative-Historical Methods*. SAGE.

Mann M. (1994) In Praise of Macro-Sociology: A Reply to Goldthorpe. *British Journal of Sociology* (45): 37-54. <https://doi.org/10.2307/591524>

Nisbet R. (1969) *Social Change and History*. N. Y.: Oxford University Press.

Ragin C. (1987) *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. California University Press.

Ritter H. (1986) *Dictionary of concepts in history*. N. Y.: Greenwood Press.

Skocpol T., Somers M. R. (1980) The Uses of Comparative History in Macrosocial Inquiry. *Comparative Studies in Society and History* (22): 174-197.

Tilly C. (1983) *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. Russel SAGE Foundation.

Zagorin P. (1982) *Rebels and Rulers, 1500-1600*. Vol. 1. *Society, States, and Early Modern Revolution*. Cambridge University Press.

Карасев Дмитрий Юрьевич — независимый исследователь, Москва, Российская Федерация. Научные интересы: историческая социология.

ORCID: 0000-0002-0403-9370

Dmitry Yu. Karasev — Independent researcher, Moscow, Russian Federation. Research interests: historical sociology.

ORCID: 0000-0002-0403-9370